

16 ноября 1979 г.

ЕСЛИ, просматривая газеты, я встречаю имя Генриха Боровика, дальше уже не иду, пока не прочту его. Во-первых, потому что знаю, будет обязательно интересно. Просто интересно читать. Специалисты, конечно, могут раскрыть, из чего складывается это совсем не простое понятие «интересно».

Для меня интересно — значит, начав читать, не оторвусь, пока не кончу, никуда не отвлечется мысль, не услышу шума, если он вдруг появится. И задумавшись лишь после прочитанного, хотя задуматься над своей мыслью Боровик вовсе не призывает. Она, как бы, помимо его воли, завладевает нами, словно не он привел нас к выводам, а мы сами сделали открытие, и это даже не открытие, а ощущение, будто давно уже думаешь именно так, и автор лишь укрепил тебя в собственной позиции. А это уже требует большого писательского мастерства.

Я не пропущу ни одного выступления Боровика, будь то в газете, журнале или на экране телевизора, ни спектакля, поставленного по его пьесе, ни кинофильма по его сценарию и потому, что это будет рассказ о самом жгучем международном событии, в каком бы районе земли оно ни происходило. И будет там незримо влиять на меня, если так можно выразиться, момент его личного присутствия.

Рассказы о встречах с Хо Ши Мином и Че Геварой, рыбалка вдвоем с Хемингуэем на шхуне «Пилар» в Карибском море, задушевный разговор с Сальвадором Альенде или интервью с Вернером фон Брауном, посещение гнездилищ неонацистов в США, беседы с матерым гитлеровским диверсантом Отто Скорцени или с А. Ф. Керенским — это не «коллекционирование» встреч, это история, которая проходит через мозг и сердце писателя, чтобы затем он донес ее нам, читателям.

Г. Боровик всегда в той точке земли, где особенно «горячо».

Побеждает кубинская революция, и он, один из первых наших журналистов, там. Чили начинает строить новую жизнь, и мы узнаем о ней по его очеркам и репортажам. А в первые же дни фашистского переворота он снова у ее границ, сначала со стороны Перу, а затем со стороны Аргентины, где разыскивает самых первых беженцев, живых свидетелей кровавой бойни, устроенной Пиночетом.

Португалия... Испания... Никарагуа...

И должность его — специальный корреспондент по горячим точкам планеты. Правда, ни в одном штатном расписании должности такой нет. Он — политический обозреватель АПН — агентства печати «Новости». Но обозрения свои ведет не по сообщениям телеграфных агентств, а непосредственно на местности, где события происходят.

Я вовсе не хочу сказать, будто обозрения, основанные на сообщениях агентств печати, неполноценны. Напротив, у нас немало блестящих публицистов-международников. Немало у нас и журналистов, мужественно ведущих репортажи с места горячих событий. Но Генрих Боровик счастливо сочетает в себе глубокое знание международной обстановки и момент личного присутствия, где события свершаются.

В декабре 1972 года в разгар особенно жестоких бомбовых ударов США по Ханю, известных под циничным названием «рождественской бомбардировки», Боровик вылетел в столицу Вьетнама и рассказал отсюда о результатах бомбардировок. Рассказал не только нашим, но — что тогда было особенно важно — американским читателям, нарисовав им зримую картину, как конкретно выглядел бы Нью-Йорк и как бы чувствовали себя ньюйоркцы после таких же бомбежек, какие перенес Ханю в рождественские дни и ночи 1972 года.

Помню, один литератор сказал по этому поводу: «Какой действенный прием применил Боровик». Не раз приходилось слышать о нем подобное же: «какой великолепный наплыв ход», «какой неожиданный придумал поворот»...

Не согласен. Не прием, не ход, не поворот...

Ходы, приемы и повороты скорее присущи приключенческой и детективной литературе. Там можно их придумывать. А придумывать ходы, описывая ужасы войны, кощунственно. Зримость свершаемого, эмоциональность восприятия достигается «просто»: талантом автора. Талантом, поставленным в единственные условия, при которых он только и может развиваться — повседневный, упорный, не знающий компромиссов труд.

Говоря о неумоимости и работоспособности, хотел бы оговориться, что эти понятия в абстрактной форме мне не всегда по душе. Не люблю просто выражения — неумоимый журналист, ибо оно, по существу, еще ни о чем не говорит. Вот ведь пчелу за трудолюбие любят, а комара так за это даже убивают.

СОБЫТИЯ И ЧЕЛОВЕК

Столько-то повидал, столько-то изъездил, столько-то написал. Все это понятия весьма относительные. Иного не упрекнешь в неподвижности или не работоспособности, да и написал много, да читать нечего. Неприятно, мелко, хотя трудился человек добросовестно.

Важен конечный итог. Не вижу у себя противоречий, перечисляя, кого повидал и где побывал Боровик, и утверждаю, что эти данные еще ни о чем не говорят, ибо к ним прибавляется главное, решающее, что именно в результате создано, какое влияние на людей это созданное оказывает. И вот это, если воспользоваться популярным термином — кпд, созданного Боровиком весьма значителен. Не знаю ни одной его вещи, большой или самой малой, которая оставила бы читателя равнодушным, не вызвала бы гнева, протеста или радости, о которой можно было бы сказать, что она сделана наспех, хотя его главная работа как журналиста — стрельба с колена.

Его репортажи из Лимы и Буэнос-Айреса о злодеяниях Пиночета, печатавшиеся у нас, появились в десятках зарубежных газет. Их достоверность оказалась столь неопровержимой, что они были приобщены в качестве официальных документов к материалам Международной комиссии по расследованию преступлений чилийской военной хунты. Небольшой сборник из этих материалов под общим названием «Репортаж с фашистских границ» вместил в себя множество фактов, действующих, как удар тока. Получилась книга, полная боли, скорби и гнева, все же вселяющая уверенность, что фашизм будет разбит. И, конечно же, разошлась она, едва появившись на прилавках. В равной мере это относится и к «Повести о зеленой ящерице», и к «Одном году неспокойного солнца», и к «Маю в Лиссабоне», и к «Конторе на улице Монтэра», и ко всем остальным его книгам. И все они, столь разные по содержанию и форме, рисуют и самого автора, как бы искусно не прятал он собственное «я». Вижу в них страсть человека, его любовь и ненависть, его идейную убежденность и его позицию коммуниста-борца.

Подлинный талант, как правило, многогранен. Журналист, драматург, киносценарист. Несколько его пьес годами шли и идут во многих театрах страны и за рубежом. «Три минуты Мартина Гроу», кроме столетнего и многих театров страны, несколько лет шли в Чехословакии при полных аншлагах. Последний документальный фильм — «Тихие американцы» занял первое место на Всесоюзном кинофестивале, получил «Серебряного голубя» на кинофестивале в Лейпциге.

Пьеса Боровика «Интервью в Буэнос-Айресе», за которую он удостоен звания лауреата Государственной

премии СССР, заняла первое место на театральном фестивале в Польше. О ней немало добрых слов сказано в печати и с трибун творческих встреч. Скажу лишь о малозвестном. И сейчас звучат в моих ушах слова члена Политкомиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойма, который, просмотрев спектакль, поднялся на сцену и, не в силах совладать с волнением, говорил о великом значении пьесы в борьбе с фашизмом. Закончил он так: «Я верю, придет время, и эта пьеса будет поставлена на сцене театра в Сантьяго».

После окончания спектакля, данного Театром им. Ленсовета на Всемирном театральном фестивале в Париже, к главному режиссеру Игорю Владимирову подошел какой-то француз и сказал: «Это ведь и о нас пьеса. О наших либералах, которые позволяют себе забавляться

длительная, создает удивительную доверительность».

Он говорит о вещах очень важных, явлениях значительных, и видишь, как глубоко знает предмет, хотя и намека на это не сделает, как много интересного мог бы еще рассказать. Он всегда находит новые художественные средства выражения идеи. Недавно вернулся из Никарагуа и рассказал с экрана об этой стране. Познакомил нас с революцией через лица тех, кто ее свершал и для которых она свершалась. На протяжении почти всей передачи мы видели только лица, схваченные его объективом. Лица мужчин, женщин, стариков и детей. Мне трудно объяснить, как это у него получилось. Но,

глядя на эти лица, мы почувствовали и атмосферу революции, и удивительную маленькую страну, и ее народ, нашедший в себе силы бросить вызов Сомосе и американскому империализму.

К слову хочу заметить, что и как фоторепортер Г. Боровик достиг большого профессионального мастерства. Его снимки, запечатленные им на разных континентах мгновения, о которых хочется сказать «остановись», вполне могли бы экспонироваться на художественной выставке маститых.

И еще одно соображение. Немало у нас одаренных журналистов и писателей, которые не считают нужным растрчивать себя для газеты. Они регулярно выступают в газетах, правильно излагают концепции, грамотно анализируют, но не более того. Ну а то, что может затронуть сердце, глубоко взволновать, берегут для книги, где и показывают, на что они способны.

У Боровика много хороших книг, пьес, киносценариев, из которых видно, «на что он способен». Но даже в коротком выступлении в печати или на телевидении мы видим страсть человека, отдающего всего себя без «экономии» душевных сил, его полную отдачу эмоциональную, творческую, публицистическую.

В журнале «Смена» завершается публикация повести Генриха Боровика «Момент истины», которую я читал в рукописи. Мне кажется, ему удалось вскрыть с большой глубиной и художественной силой внутренний механизм действий Центрального разведывательного управления США, убедительно показать тонко разработанную, тщательно подготовленную сложнейшую систему хитросплетений, с помощью которой ЦРУ вмешивается во внутренние дела других стран.

Характеры у него яркие, выпуклые, жизненные, созданные рукой зрелого мастера. Строгая документальность органически сочетается у него с острым сюжетом.

Главная тема его художественных произведений — ответственность каждого за то, что происходит в мире. И в полной мере эту ответственность чувствует сам автор. Может быть, поэтому все его творчество посвящено борьбе против фашизма, империализма, борьбе за дело нашего народа.

Гражданское и писательское мужество, вера в жизненные силы человека, глубокая идейная убежденность характеризуют все творчество Генриха Боровика. В острейших идеологических схватках, которые ведет Родина, Генрих Боровик занимает свое особое место.

Аркадий САХНИН.